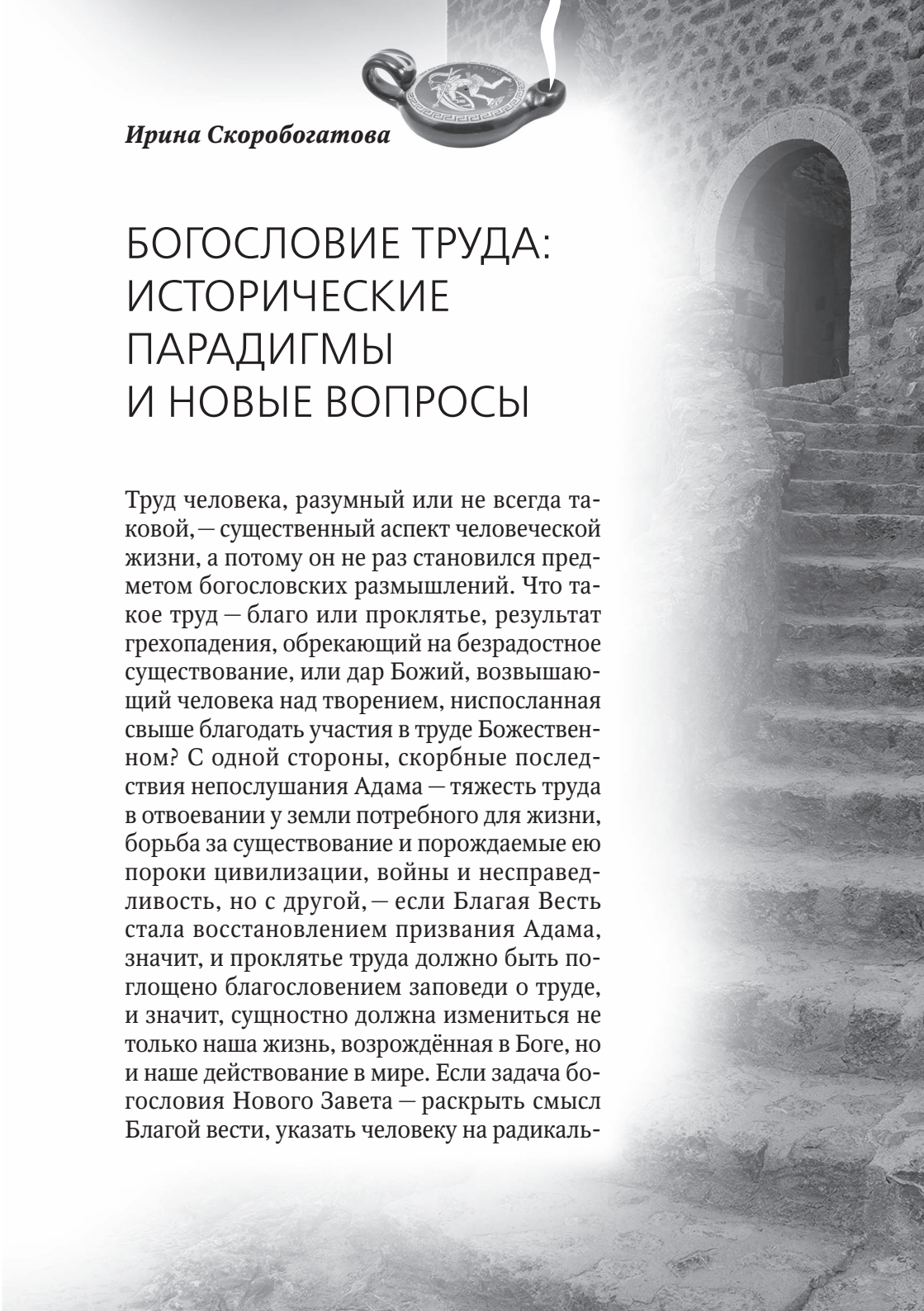




Ирина Скоробогатова

БОГОСЛОВИЕ ТРУДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И НОВЫЕ ВОПРОСЫ

Труд человека, разумный или не всегда таковой, — существенный аспект человеческой жизни, а потому он не раз становился предметом богословских размышлений. Что такое труд — благо или проклятье, результат грехопадения, обрекающий на безрадостное существование, или дар Божий, возвышающий человека над творением, ниспосланная свыше благодать участия в труде Божественном? С одной стороны, скорбные последствия непослушания Адама — тяжесть труда в отвоевании у земли потребного для жизни, борьба за существование и порождаемые ею пороки цивилизации, войны и несправедливость, но с другой, — если Благая Весть стала восстановлением призвания Адама, значит, и проклятье труда должно быть поглощено благословением заповеди о труде, и значит, сущностно должна измениться не только наша жизнь, возрождённая в Боге, но и наше действие в мире. Если задача богословия Нового Завета — раскрыть смысл Благой вести, указать человеку на радикаль-

Богословие призвано вести нас к пониманию того, каким должен стать наш труд сегодня и в чём состоит замысел Творца о человеке, надёленном способностью трудиться

ную смену качества его жизни во всех её аспектах, то богословие призвано вести нас и к пониманию того, каким должен стать наш труд сегодня, каким образом в труде человека раскрывается благословение Адама, и в чём состоит замысел Творца о человеке, надёленном способностью трудиться.

Богословское понимание труда в истории христианской мысли далеко не всегда было однозначным: труд понимался как наказание за грехи, как путь покаяния и искупления, обуздывающий пороки и праздность, как призвание и как естественная необходимость, вменённая человеку природой и Богом, как соработничество с Богом и Его дар, как способ воплощения образа и подобия Мастера. Восточные отцы Церкви видели в труде, прежде всего, наследие Адама, изнурительную необходимость, в рабстве которой находится человек. Григорий Богослов, к примеру, в духе Экклезиаста, говорит о суете и тщете всего происходящего, в жизни равно доброго и злого, и случай лишь поворачивает к нам ту или иную сторону жизни:

«Война, море, возделывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам... заботы о добрых детях, печаль о худых; богатство и нищета — сугубое зло; презорство¹, гордость — всё это как шар, летающий из рук в руки у молодых людей»².

Отсутствие веса, ценности человеческой жизни, обесценивает и сам труд. Животные оказываются в более выгодном положении, чем человек, — их труды:

¹ Презорство (устар.) — превозношение, самомнение, непослушание, строптивость.

² Григорий Богослов. О малocenности внешнего человека и о суете настоящего // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. Т. 2. — СПб, 1912. С. 46 // URL: http://www.odinblago.ru/sv_grigoriy_t2/. 20.10.2016.

«...одной весны, у всех у них готовая пища, всем пир дает земля. Не рассекают они ярого моря, не пахнут земли; нет у них хранилищ, нет виночерпиев. И быстролётную птицу питают крылья, а зверей — дебри. Если и трудятся, то у них небольшая однодневная работа... Так жизнь их не обременена трудами. Под камнем или ветвями всегда готовый у них дом»³.

Жизнь же человеческая — вечное стремление, непрестанный труд по достижению необходимого и желаемого:

«...стремление, во всём тебе противное, этот дикий поток, это волнующееся море, то здесь, то там вскипающее от непрестанных порывов ветра. Часто обуреваюсь собственным своим безрассудством; а оно навёл на меня противник нашей жизни — демон»⁴.

И если жизнь земная наполнена не имеющими никакой ценности стремлениями и трудами, то естественно обратить свой взор и желание к миру иному, живя в мире, жить иной жизнью:

«Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, преселяться отселе... Прекрасно жить жизнью чуждой жизни и, один мир променяв на другой, терпеливо переносить все горести»⁵.

Понятия труда, усердия, делания и в писаниях Святых Отцов, и в наставлениях аскетов античного периода христианства относятся, прежде всего, к духовному деланию, к работе по усовершенствованию души, смирению плоти. Труд как мирская забота, неизменный атрибут суетной жизни, доставшийся нам от наследия Адама, сам по себе не является добродетелью и не способствует стяжанию таковой: «Богатство земледельцев собирается на гумне и точиле; а богатство и разум монахов в вечерних

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 49.

и ночных предстояниях Богу и в деланиях ума»⁶. Максим Исповедник хоть и не считает труд сам по себе добродетелью, тем не менее указывает на его полезность в плане способа смирения плоти, усмирения страсти:

«Для добродетели благотворно подвизаться среди болезненных трудов, ибо в таком случае она благодушно всё претерпевающим в награду приносит бесстрастие души, по коему душа, любовью соединяясь с Богом, отторгается расположением от плоти и мира. Измождение тела есть укрепление души. Увлечённые обольщением чувственной сласти, предпочли мы истинной жизни смерть. Понесём же благодарно убивающий сию сласть труд телесный, чтобы, когда смертью её уничтожится вместе с нею чрез неё происшедшая смерть, воспрять возвращающуюся к нам жизнь, прежде проданную за сласть, а теперь опять купленную за немногие труды плоти»⁷.

Труд здесь по-прежнему является свидетельством печального удела человека земного, он синонимичен измождению, но он всё же некоторая основа для благочестия, способ смирения и умаления перстного человека, и лишь несколько позже у Петра Дамаскина в «Слове о деятельном знании» мы можем вычитать принцип, согласно которому «телесные добродетели суть орудия душевных»⁸. Хотя речь Петра идёт вовсе не о физическом труде, а о стяжании знания, этот принцип

⁶ Иоанн Лествичник. О бдении телесном: как мы чрез него достигаем духовного, и как должно оное проходить // Лествица, или Скрижали духовные преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы // URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_lestvichnik/. 20.10.2016.

⁷ Максим Исповедник. Умозрительные и деятельные главы, выбранные из семисот глав Греческого Добротолюбия // Добротолюбие. — М., изд. Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1905. С. 85—86 // URL: http://krotoiv.info/spravki/history_temy/05_d/dobrotol.html. 20.10.2016.

⁸ Пётр Дамаскин. О деятельном знании // Изд. третье Киево-Печерской Лавры. — Киев, 1905. С. 205 // URL: http://www.odinblago.ru/o_deyateln_znani#3. 20.10.2016.

становится типичным для средневековья и основополагающим для томизма.

Средневековое богословское представление о труде: труд как естественная обязанность человека, обеспечивающая жизнь общества. Такого рода суждения во многом питаются ещё античностью, почерпнутой из «воцерковлённого» Фомой Аквинским Аристотеля. Классические суждения о человеке и его делах исходят из понимания его сущности и включённости в систему вещей и отношений, в которой каждому Бог определил своё место и назначение. Как известно, Платон,

рисую идеальный образ государства, полагает естественным и необходимым разделение людей по способностям и предрасположенности к тому или иному труду, ведь именно через эту специализацию осуществляется общее благо. Представления Аристо-

**Одного человека
недостаточно, чтобы
исполнить всё, в чём
нуждается человеческое
общество**

теля о труде и его разделении хорошо известны через метафору «дельфийского ножа», который, как известно, одновременно служил и мечом, и ножом, но в отличие от этого «грубого изделия кузнецов», природа устроила всё наилучшим образом, определив каждой вещи своё назначение: «Всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих»⁹. В представлениях Фомы род занятий человека зависит от естественных склонностей человека, его физических, психологических и интеллектуальных способностей, а также от социального положения. Фома Аквинский указывал, что труд как проявление естественной сути человека является долгом верующего, выполнение которого поддерживает порядок и полноту блага в обществе. «Одного человека недостаточно, чтобы исполнить всё, в чём нуждается человеческое общество; следовательно, различными обязанностями должны заниматься

⁹ *Аристотель* // Сочинения в 4 т. Т. 4. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. С. 376.

**Труд есть реализация
сущности человека**

различные лица, как говорится в Послании Римлянам (XVII — 4,6)... Это разделение людей по различным обязанностям проистекает, во-первых, из Божественного провидения, которое так распределило статусы людей, чтобы не обнаружилось никакого недостатка в жизненно необходимом,

а во-вторых, по естественным причинам»¹⁰. Соответствие своему месту и есть реализация призвания человека, быть тем, кто ты есть по воле Божьей и делать то, что предназначено — вот удел человеческой жизни.

Рассуждая в рамках своего подхода, Фома Аквинский считает, что труд должен оцениваться в обществе не согласно произведённому продукту, но вознаграждение должно соответствовать социальному статусу человека¹¹. С одной стороны, такое воззрение, кажущееся весьма странным современному человеку, скорее говорит об историческом контексте, в котором представления о неравенстве людей были нормой, но с другой стороны, нельзя сказать, что эти представления не имели под собой чисто христианского богословского основания. Дело в том, что для Фомы труд не является производством продукта, он есть реализация сущности человека, его качества, по большому счёту способ становления человеком, каким его создал Господь. Аквинат связывает труд не с продуктом труда и его ценностью, а с сущностью и ценностью самого человека, что представляется абсурдом нам сегодняшним, думающим о труде в категориях экономических теорий. И здесь есть над чем подумать современным богословам. Мы сегодня рассматриваем труд с точки зрения произведённой ценности, по продукту,

¹⁰ *Thomas Aquinas* // *Quaestiones quod libetales*. VII. Q. 7. Art. I. Resp. Цитирование по Стецюра Т.Д. *Хозяйственная этика Фомы Аквинского* — М.: РОССПЭН, 2010. С. 178.

¹¹ *Стецюра Т.Д.* *Хозяйственная этика Фомы Аквинского* — М.: РОССПЭН, 2010. С. 177.

который всё менее говорит нам о его создателях. В массовом тиражировании продукт обезличивается, место имени занимает бренд, но при этом мы не можем отрицать, что если сама вещь связана с именем, или бренд отсылает нас к имени мастера, то она приобретает особую ценность. Имя говорит нам о том, что в продукте продолжается личность мастера, продукт несёт в себе его часть, и тем делает нас соучастниками его, мастера, творчества. Плоды человеческого труда не просто говорят об их создателе, но и приобщают к его труду. То, что имя больше, чем бренд, хорошо понимают маркетологи, и потому зачастую искусственно создают имя.

В духе томистского понимания человека мыслит и Лютер, который видит в труде лишь естественную платформу для благочестия, потому что при известном различии содержания средневековый томизм с протестантской схоластикой объединяет аристотелианская система мышления. По мнению М. Вебера,

«Лютер (вполне в духе господствующей средневековой традиции — так, как она выражена, например, у Фомы Аквинского) относит мирскую деятельность к сфере рукотворного: будучи угодной Богу и являясь необходимой естественной основой религиозной жизни, она сама по себе нравственно индифферентна, подобно еде или питью»¹².

Концепция призвания развивается Лютером позже, и по-настоящему действенную силу, определившую, по мнению М. Вебера, развитие европейской протестантской цивилизации, эта концепция обретает уже в вероучении и практике кальвинизма. Кальвинизм с его доктриной предопределения принимает профессиональную деятельность как необходимое состояние жизни христианина, которое есть абсолютная воля Божественного провидения:

¹² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения — М.: Прогресс, 1990. С. 97.

«Не Бог существует для людей, а люди для Бога; все деяния человека имеют смысл только как средство самоутверждения божественного величия»¹³.

Нужно ли говорить, что кальвинистское исповедание в приведённой Вебером формуле, в строгом его варианте, порождает множество вопросов, на которые сегодня довольно затруднительно найти ответ без ущерба для ценностей современной европейской цивилизации — свободы и ответственности человека, ведь если признать, что человек совершенно лишён воли, то какой ценностью тогда будут обладать право и мораль, да и на каком основании человек может нести ответственность за дела, инициатором которых является не он, но провидение Бога.

**Все деяния человека
имеют смысл
только как средство
самоутверждения
божественного величия**

Богословы, мыслящие в подобной остающейся по своей сути античной или «классической» парадигме, строят свои рассуждения на платформе представлений об абсолютной воле Бога, возвышающегося и правящего миром людей и царств, в которых Он осуществляет Свою волю. Здесь труд и любая человеческая деятельность

являются естественным действием и естественным выражением сущности человека, но эта естественная жизнь является лишь платформой, на которой разворачивается драма Божественного провидения. Сегодня становится очевидным, что в этой парадигме весьма затруднительно ответить на многие вопросы, стоящие перед современной Церковью и обществом, хотя это вовсе не значит, что в ней отсутствует значимый нерв, который связывает воедино прошлое и настоящее христианского мышления о мире. Этот нерв проходит сквозь мысль, что в человеке присутствует сущность Творца, и эта сущность продолжает себя в творении, в том числе через труд человека. Нужно заметить, что в ситуации, когда мы не утруждаем себя тем, чтобы обнаружить эту сокровенную суть богословской

¹³ Там же. С. 141.

мысли, и некритически переносим представления средневекового богословия в современный контекст, мы становимся способны породить выводы не просто непродуктивные, но зачастую граничащие с аморальностью. К примеру, когда сторонам политического конфликта приписывается благорасположение или осуждение Бога, что было нормой в средневековье. Новый завет упразднил ответственность рода за грех личности, а потому благодать, благословение Бога, равно как и осуждение относится к каждому лично, к его конкретным делам и мыслям. Говорить о грехе нации или о народе-победителе можно лишь аллегорично, отдавая себе отчёт, что буквальное понимание этих терминов формирует превращённую реальность, творит симулякры, даёт почву для спекуляций тем, кто не прочь приписать лично себе заслуги конкретных людей прошлых поколений.

Особое качество Истины, этого живого пульсирующего нерва интеллектуальной ткани человечества, заключается в том, что переливаясь из формы в форму, она не теряет своей сути. Так и богословская интуиция о сущности Творца, раскрывающей себя в человеке и посредством человека, обогащается новыми смысловыми оттенками в рассуждениях о труде XIX–XX вв., обнаруживает новые смысловые пласты, провоцируемые качественным изменением социокультурного контекста. Достижения науки и техники, социально-культурные, политические и экономические изменения поставили перед богословием новые вопросы. Модерн с его установкой на преобразование мира, на активное деятельное отношение к нему, на свободный разум и прогресс человечества находит отражение в богословских поисках этого периода. Значительное влияние на богословскую мысль оказал марксизм. Его идеи во многом стали основанием движений социального евангелия, христианского социализма, русские религиозные философы также не обошли его вниманием. Как бы мы не относились к марксистской философии в целом, стоит признать, что многие поднятые Марксом проблемы в отношении труда и человека трудящегося сохраняют свою актуальность и нуждаются сегодня в богословском осмыслении. Маркс говорит о том, что, продавая трудовую силу, человек

теряет смысл своего труда, а не располагая смыслом своего действия, рабочий становится лишь элементом в механизме производства, рабом экономического монстра. Это рабское состояние экономического человека, наследие греховного Адама, в котором труд не благо, но лишь средство существования, необходимое для жизни и выживания. Трудясь «в поте лица» для того, чтобы выжить, человек находится в воле сил, которые намного превышают его волю, он зависим и подотчётен, он раб своей животной природы в необходимости трудиться, чтобы удовлетворить свои потребности. В таком прискорбном положении человек недалеко ушёл от животного состояния, разница лишь в том, что он способен осознать свою зависимость в меру интеллектуального и духовного развития. И в этом осознании способен найти объяснение и оправдание своего зависимого положения, найти способы решения проблемы. Именно труд для выживания, наследие Адама, отчуждающий человека от самого себя и лишаящий его свободы быть и оставаться самим собой, стал предметом критики Маркса и Энгельса:

«Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим его сущности; ... он в своём труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд»¹⁴.

Вот что ускользало от внимания основоположников политической экономии: при всей своей несвободе человек трудится

¹⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 90 // URL: <http://www.souz.info/library/marx/1844works.htm#str90>, 20.10.2016.

не только для пропитания, но также сверх того, возвышается над необходимостью, утверждая этим свою свободу. Культура не была создана трудом для выживания, т.е. «прирост» культуры достигался не только за счёт необходимости удовлетворения жизненных потребностей, но также во время досуга, когда оставалось время на искусство, литературу и философию. И большой вопрос, какой труд был

Человек трудится не только для пропитания, но возвышается над необходимостью, утверждая этим свою свободу

здесь наиболее значим. Культурный ренессанс и научный прогресс всегда были связаны с повышением уровня жизни, когда высвобождалось время и средство мыслить и творить не «для», а «потому что». Трудиться не для чего-то, а исходя из своей сущности — исключительное свойство человека — творящего. Это то, что действительно поднимает нас над миром животных. Труд, превышающий потребность человека в пище и защите, связан со стремлением человека полагать свою жизнь за пределами собственной жизни и собственных потребностей. Это стремление характеризует саму природу человека в образе и подобию Божьему, человека, жизнь которого не заключена только в нём самом, но от её избытка изливается за пределы. Распространение во вне, творческое созидание мира — качество, доставшееся нам в наследство от Отца. Именно это качество не позволяет нам довольствоваться удовлетворением потребного для жизни природной, но заставляет нас творить мир культуры, простирается в познании, расширять пределы своих возможностей. Марксизм говорит, что классовая борьба была двигателем прогресса, отчасти это так, но только от части, и части малой. Наука, философия, политика, искусство никогда не были лишь ответом на потребности в хлебе и зрелищах, но они рождались от необходимости расширить свои пределы, речь идёт о людях, способных осуществить себя в творческом труде поверх потребного для жизни. В древности это были те, кто имел необходимый для такого труда досуг и мог позволить себе трудиться для

Труд становится продолжением свободного воления человека, направляющего свою творческую силу и энергию, которой наделил его Творец, на преобразование мира

созидания пространства культуры как необходимой среды для существования человека. Именно поэтому культуру невозможно рассматривать как побочный продукт борьбы человека за своё плотское выживание, пространство культуры, материальной и духовной, является прямым следствием самой сущности человека, его потребности осуществить себя в мире, выразить свои стремления

и своё понимание не для своего физического выживания, но зачастую вопреки ему.

Эта сторона жизни человека трудящегося особо интересовала русских христианских философов, одним из которых был о. Сергей Булгаков. В его «Философии хозяйства» речь уже не идёт о труде как естественной человеческой данности, если даже эта данность заложена и предопределена Творцом. В богословии о. Сергия труд становится продолжением свободного воления человека, направляющего свою творческую силу и энергию, которой наделил его Творец, на преобразование мира. «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создаёт как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, — он творит культуру, как гласит распространённая формула наших дней»¹⁵. Это уже не воля Творца, воплощённая в земных блужданиях человека, но воля человека, которой наделил его Творец. Булгаков, в своих представлениях о труде, преодолевает, с одной стороны, ограниченность классического мышления, рассматривающего труд как естественную данность и долг, а с другой стороны, стремится преодолеть ограниченные представления о труде, формирующиеся в активно развивающейся в этот период экономической науке в лице марксизма.

¹⁵ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 173.

Марксизм, в продолжение политической экономии А. Смита, сводит труд к понятию «производительного труда», что по мнению о. Сергия, далеко не исчерпывает его сути. Труд — это все творческие усилия человека и человечества, направленные на преобразование природы, расширение пространства жизни, которые не возможны без познания, а потому наука, культура и искусство также являются трудом, которому, однако, нельзя приписать стоимость, исходя из критериев политэкономии. Сергий Булгаков, далеко не единственный, кто задал новый вектор в понимании человека в его труде как свободного, наделённого от Бога творческим потенциалом и призванного продолжить творение, восстановить и преобразовать его во благо всему сущему.

Это направление размышлений о труде в различных вариациях было развито и протестантскими богословами социальной направленности, католическими теологами периода аджорнamento, богословами-эволюционистами. Теология освобождения стала ярким примером не только богословской мысли, но и богословской практики, исторического акта богословского делания, перекроившего карту политической и социальной истории XX века движениями национального освобождения и идеалами социальной справедливости. Но христианская мысль тут же споткнулась о разрушительные силы тоталитарных режимов, вызревших на этих же самых идеалах национального достоинства и социального благосостояния и питающихся энергией подлинного мессианизма, превращая её в топливо идеологических орудий. Это не было новым, но XX век с предельной ясностью указал, что благочестивые устремления людей воплощать в труде идеалы Царства Божьего сопряжены с опасностью подмены действительных идеалов утилитарными интересами на всех уровнях — от личностных до национальных, а осознание недальновидности человека, ограниченной способности предсказывать

**Благочестивые
устремления людей
воплощать в труде
идеалы Царства Божьего
сопряжены с опасностью
подмены действительных
идеалов утилитарными
интересами**

и контролировать последствия своей деятельности, спровоцировало ряд глобальных угроз современного мира, указало на несостоятельность самонадеянной позиции человека как хозяина в мире, управляющего творением Божиим.

Сегодня всё больше обнажается вопрошание: как преодолеть порядок вещей, в котором нормой является то, что боговдохновенные творческие порывы созидającego труда и ожидание поистине теургического действия угашаются множеством факторов экономического, политического и прочих порядков, удерживаются в рамках, заданных «вещественными началами»? Почему, познавши силы будущего века, мы вновь и вновь покоряемся этим вещественным началам, словами апостола, «порабощаем себя им»? Норма или патология, что за реформацией всегда следуют или реакция, или революция? Если это не норма, то что мы должны понять и какое качество принять от Христа, чтобы реформация стала перманентной, а не дискретной, а еkkлeсия пребывала, а не мерцала? Все эти вопросы крепко связаны с пониманием труда, с проникновением в новые смыслы о труде, которые должны осолить наше сегодняшнее действие в мире, открыть новые грани связности Христа и Церкви, Церкви и мира, мира и Творения Божьего. Аминь.